

Условия для совершенной молитвы. Беседа митрополита Лимасольского Афанасия

Прежде всего хочу сказать, что молитва – это естественное служение (λειτουργία) человека. То есть когда человек молится, тогда он на самом деле действует естественно, соответственно тому, каким Бог его создал, соответственно своей природе. Для человека естественно быть обращенным к Богу, находиться в общении с Ним. Это состояние прервалось после грехопадения, и ум человека уже с легкостью рассеивается, не стоит на месте, поскольку прилепляется к определенным предметам. Ум человека убежал от Бога и обратился к чувственным вещам, будь то так называемые материальные предметы или страсти, наслаждения, грехи. Следовательно, одно из основных условий для молитвы – достижение человеком, насколько это возможно, свободы от своих страстей.

Сейчас мы проходим период поста. Телесный пост является одним из важных условий для молитвы. Отцы говорят, что когда человек постится, то даже его кровь каким-то образом утончается, что очень помогает ему в молитве. То есть когда

человек хочет жить духовной жизнью, одно из первых дел, какие ему следует совершить – это начать поститься. И самый легкий вид поста – это воздержание от еды.

Однако нечто большее, чем этот пост, есть пост духовный, воздержание ума, то есть когда человек начинает отсекал все ненужные вещи, какие он собирает вокруг себя ежедневно. Как говорил старец Паисий, нужно перестать собирать мусор в наш ум. Ведь если человек целый день чем-то себя наполняет из того, что его окружает; если ум его узнаёт что-то новое, бывает занят множеством разных дел; если человек непрестанно говорит; если ум его принимает в себя множество образов, фантазий, изучает то, что его не касается, не является его делом, не приносит ему пользы, – тогда все эти ненужные дела, весь этот мусор станет препятствием для человека, когда он пойдет молиться.

Молитва требует создания определенных условий. Она не есть нечто, совершаемое просто так – здесь и сейчас; не будет так, чтобы мы нажали кнопку – и тотчас внутри нас начала совершаться молитва. Чтобы человек мог помолиться, необходимы определенные условия внутри него самого. Надо духовно трудиться, чтобы молитва дала результат. Ведь молитва есть итог всех духовных деланий, какие мы совершаем.

Телесный и духовный пост взаимосвязаны. Пост телесный отлепляет ум человека от вещественной пищи, очищает человека телесно. Он приводит и к тому, о чем говорится в тропаре: «Постимся братья, не только телесно, но и духовно». Постится язык, постятся глаза, постятся чувства – всё у нас в воздержании. **Человек при посте телесном ест то, что ему необходимо, что дает ему силы жить и работать, но отсекает всё, что является излишним, бесполезным, что не имеет прямого отношения к его жизни. Подобное происходит и с постом наших чувств: всё излишнее отсекается, остается лишь существенно нужное.**

Святые отцы говорят, что когда человек ведет внимательную жизнь, *то* внимание, которое он имеет днем, содействует освящению, которое человек получает ночью*. И так, когда мы внимаем себе днем, с тем чтобы не собрать в наш ум множество вещей, тогда ум каким-то образом сберегает в себе эту силу внимания, эту, скажем так, направленность, и передает ее молитве. Мы не можем, например, после шумной ночи, когда мы предавались развлечениям: распевали песни, пили, танцевали – после всего этого сразу приступить к молитве. Ум наш не может собраться, это ему трудно.

Мудрость заключается именно в том, чтобы человек ограничивал себя, – не в том смысле, чтобы он отсекал всё, чем должен заниматься, живя в мире. Понятно, что мы имеем определенные обязанности, поскольку живем в обществе, поскольку многое наполняет семейную жизнь. И мы должны исполнять эти обязанности, но всё это не должно выходить за рамки, должно совершаться в меру, в пределах необходимого. Например, я иду куда-то, потому что это необходимо по моим обязанностям, ради моей семьи, детей, супруги и т. д., но всё это имеет меру. И куда бы я ни пошел, я сохраняю внимание, я внимателен, мой ум обращен на молитву.

Когда я исполняю дела необходимые, они не являются большим препятствием в моей молитве, в этом случае человек легко возвращает к себе свой ум.

Действительное же препятствие возникает тогда, когда человек занимается, по сути, бесполезными вещами, исполнять которые нет необходимости, тем более если эти занятия связаны с нарушением Божией заповеди. **Таким образом, молитва – это не психосоматический метод, такой как, например, йога; молитва – это не какое-то размышление, но это – синергия человеческой воли и благодати Святого Духа.** Обязательно должна соприисутствовать, содействовать благодать Святого Духа, и если она присутствует, то это означает, что человек живет по духу заповедей Божиих.

Мы не можем молиться, или, по крайней мере, встречаем препятствие, если сознательно нарушаем заповеди Божии. Мы на собственном опыте видим, что лишь только приходим на молитву, тотчас наша совесть выражает протест, встает перед нами и, как высокая стена, не позволяет нам ощутить, встретить Святой Дух Божий. Она протестует: в чем-то мы преступили заповедь, в чем-то вольно или невольно не были внимательны, и, чтобы обратиться, с нашей стороны требуется подвиг покаяния.

Люди, которые в строгости, в борьбе и молитве проводили свою жизнь, на личном опыте вкусили, насколько трудное дело для человека – молиться, как говорится в чинопоследовании Литургии, со дерзновением, неосужденно. Призывать Небесного нашего Отца со дерзновением, неосужденно. Я знал современных святых старцев, которые только из-за одного сказанного ими слова подвизались целыми месяцами, чтобы вернуть дух молитвы.

Вспоминаю, как однажды мне рассказал один старец (сейчас он уже почил), как кто-то его спросил о его духовном отце, который по характеру был очень тяжелым человеком: «Как поживает Геронда, хорошо?» А он ответил с некоторым недовольством: «Да что ему делается? Э-э... хорошо поживает». И вот этот недовольный тон, допущенное при этом мысленное осуждение старца, то, что он представил его как бы не в очень хорошем свете – всё это стало причиной того, что благодать оставила его на целые месяцы, он не мог молиться. Он шел молиться и чувствовал перед собой словно стену, которая препятствовала приблизиться к нему Духу Божию. И ему пришлось со многими слезами, со многими поклонами подвизаться в том, чтобы покаяться перед Богом и таким образом мало-помалу загладить свой грех и обрести свое прежнее молитвенное состояние.

Неоспоримый факт: одно слово, один взгляд, одно движение нашей души способно изгнать из нас дух молитвы. Почему? Потому, что Бог хочет нас научить тому, что молитва – это результат всех остальных духовных деланий, какие мы имеем. Она – плод благодати, а благодать пребывает в человеке только благодаря хранению заповедей Божиих. Бог не действует там, где преступают Его заповеди. Так происходит не потому, что Бог неким эгоистичным образом уходит оттуда, где преступают Его заповедь, но потому, что это преступление свидетельствует о том, что наше существо получает рану, обрывается нить нашего общения с Богом, и мы сами добровольно оказываемся теми, кто ломает приемник, улавливающий волны Божественных энергий и благодати.

Как человек встречает препятствия в молитве от тех занятий, которые противоречат воле Божией, так он может и помочь себе теми духовными деланиями, которые угодны Богу. Например, когда мы даем милостыню вещами или деньгами или оказываем поддержку нашим братьям добрым словом в их немощи, скорби и беде – одним словом, какую бы милостыню мы не совершали, какую бы любовь не являли в отношении другого человека, результатом этого будет (и тому есть свидетельства) то, что мы получаем энергию благодати, которая необыкновенно помогает нам в молитве.

Также случается и противоположное: если мы отказываем в помощи нашему брату, результат этого – немедленное прекращение молитвы. Невозможно никогда, чтобы мы, отказав другому человеку в помощи, могли молиться. Это опыт жизни, и я думаю, все мы его имеем. Отцы, исходя из большого личного опыта, шли на большие жертвы, только бы не потерять действия Божественной благодати из-за того, что они отказались дать кому-то ту или иную вещь. И много раз Бог позволял, чтобы были испытаны люди Божии, Его служители, чтобы обнаружилось, действительно ли они соблюдают эту Божию заповедь.

У меня на памяти множество примеров, когда ясно было видно, что по человеческой логике заповедь можно было бы исполнить с меньшей для себя жертвой. И, однако, когда человек следовал человеческой логике, происходило то, что Бог покидал человека, и тот не мог ничего сделать.

Помню, когда я был в Новом Скиту, там был один старчик, отец Элпидий, киприот, брат священномученика Филумена, святой человек. Он жил с нами, и мы ухаживали за ним в его старости. Отец Элпидий был человеком великой молитвы. Когда я пришел в нашу общину в Новом Скиту, мы жили в ужасной нищете, не имели совсем ничего, часто даже еды. Этот старчик, поскольку раньше, до прихода на Святую Гору, некоторое время работал в Красном Кресте, каждый месяц получал маленькую пенсию. И вот на эту крошечную пенсию жил и он, и вся наша община, а нас было много.

Часто к нам заходили разные просители милостыни (по [Святой Горе](#) ходит много таких людей). Старец всегда подавал всем. Никогда не было такого, чтобы кто-то приходил, а отец Элпидий ему не подавал хоть сколько-то. Конечно же, многие из тех, которые просили денег, не имели особой нужды: просить – это просто была их профессия. Пришел как-то один такой и говорит: «Геронда, дай мне тысячу драхм». Учтите, что в тот 1982-й год, когда это происходило, тысяча драхм для Святой Горы была целым событием, значительной суммой. Конечно же, мы, младшие, внимательно следили за старцем, боясь, что он раздаст все деньги, и тогда не сможем прожить ни он, ни мы. И вот я стоял неподалеку и говорю этому просителю: «Никакой тысячи драхм».

Мы знали про этого человека, что он был обманщик: он так бродил и попрошайничеством занимался как профессией. И вот я говорю старцу: «Нет, не давай ему тысячу драхм. У него есть деньги, это его профессия – просить, его

работа. А у нас здесь такая нужда! Дай ему поменьше, дай ему пятьсот драхм». «Ну хорошо, пусть будет пятьсот» – ответил старец, он был очень простым. Отец Элпидий взял пятьсот драхм, отдал их мнимому нищему, и тот ушел. После вечерни мы увидели, что старец очень расстроен, места себе не находит. Он сказал мне, что чувствует, что сегодня он не вместе с Богом. Но что же он такого сделал? Он сказал, что сегодня приходил проситель милостыни и попросил тысячу, а мы не дали ему.

«Как не дали, Геронда, мы дали ему! Мы дали ему пятьсот драхм! Больше мы не могли. Больше у нас нет. Сколько могли, столько дали», – сказал я. «Нет, – ответил он, – пойди и отыщи его, дай ему остальные пятьсот, я не могу молиться. Я потерял молитву. Ее нет у меня». Мы взяли пятьсот драхм, пошли по монастырям, нашли того монаха и отдали ему деньги, которые он просил. Не потому что мы были его должниками или имели перед ним какую-то обязанность. Итак, вы видите, что у духовных людей иные мерки.

Подумайте об этом, подумайте: невозможно молиться, когда мы нарушаем заповедь Божию, а в особенности, когда оставляем заповедь о любви. Мы же не только ее не соблюдаем, но по большей части имеем в сердце ненависть, вражду и злобу. Между тем другие грехи – более грубые, материальные и, наверное, скажем так, более тяжкие – могут оказаться гораздо меньшим препятствием для нашей молитвы. Даже в том случае, когда совершен плотской грех, если человек смиряет себя перед Богом и стоит перед Ним как уязвленный и израненный, его молитва может быть услышана. Но когда мы нарушаем заповедь о любви, то этого препятствия нам преодолеть невозможно.

Я думаю, что в этом отношении Бог не допускает компромиссов, ведь Он Сам сказал: «Если ты пойдешь к жертвеннику принести дар твой и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь дар твой, пойдди примиришься с братом и тогда возвращайся». Христос не сказал: **если ты придешь принести дар (то есть придешь помолиться), и будешь иметь плотской грех, будешь иметь какой-то иной грех, то пойдди сначала и разберись с этим, а потом придди... Нет, Он этого не сказал. Он говорил о любви, и о любви определенного рода, о любви к брату.**

И из опыта отцов мы знаем, что есть нечто, чего Бог никогда не допускал. Он никогда не допускал помогать в молитве человеку, который в своем сердце имеет какую-либо страсть против другого человека. И более того, если говорить точнее, Бог не будет нам помогать в молитве, если другой человек имеет что-то против нас. Именно об этом говорит здесь Евангелие. Оно не говорит: «Если ты имеешь нечто против твоего брата, уладь это с ним», но: «Если вспомнишь, что брат твой имеет нечто против тебя», и это означает, что если у нашего брата на душе тяжело из-за нас, если он огорчен на нас и обиделся, тогда мы не можем молиться.

Конечно, вы скажете: «Отец, что нам делать? Есть люди, которые нас не любят, которым мешает даже наше присутствие. Как нам поступить?» Да, это проблема. Апостол говорит: **Братья, если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми (Рим. 12, 18). Мы будем делать всё, что можем, чтобы иметь мир со всеми, будем прилагать усилия, чтобы наш брат был упокоен. Если же брат не успокоился,**

не принял нашего старания по отношению к нему, то это его дело. Однако мы обязаны сохранить свою совесть по отношению к брату, сделать всё возможное для его упокоения, для того, чтобы его сердце не имело ничего против нас. Так, чтобы, когда мы предстанем на молитве пред Богом, совесть не обвиняла нас ни в чем, и не было ничего, что отгоняло бы от нас Духа Святого.

В житии святого Иоанна Милостивого, который был патриархом Александрии, рассказывается, как однажды он отругал одного своего диакона: что-то случилось, и он его побранил. Когда после этого святой Иоанн пошел совершать Литургию, он почувствовал, что Дух Святой не присутствует на Литургии, благодать Святого Духа не сходит для совершения таинства. И он понял: что-то случилось. Как человек Божий он знал, что значит таинство, что значит Евхаристия, потому что всегда, когда совершал Евхаристию, видел, как благодать Духа Святого предлагает Честные Дары. А в этот раз он не видел благодати.

«Что случилось? – начал он спрашивать самого себя, – Что же случилось?»
Спрашивая себя, он вспомнил, что накануне побранил диакона. Он остановил Литургию на середине, пошел в город, отыскал диакона, попросил у него прощения, затем вернулся и совершил Литургию. И вновь, как и прежде, увидел благодать Святого Духа.

Итак, этот момент очень важен, но мы, к сожалению, часто не обращаем на него внимания. И считаем, что достаточно, если говорим: я ни с кем не в ссоре. Мы можем при этом чью-то жизнь превращать в мучение, говорить друг другу множество грубостей, совершать против ближнего множество неблагоприятных поступков – а после забываем о том. Я прогневался – и тотчас об этом позабыл. Говорим: «Прошло две минутки, и я всё забыл». Ну хорошо, у тебя всё прошло через две минуты, а твой ближний это два года помнит. Что же нам делать?...

Ты выходишь из себя от гнева, переворачиваешь всё верх дном, и потом у тебя всё проходит, однако другой человек душевно травмирован, обижен. Эта его травма, его тяжесть на сердце против тебя означают для тебя препятствие в молитве, и если бы ты был человеком молитвы, то понял бы, что между тобой и Богом стоит стена. И если бы у тебя было побольше рассудительности, ты бы понял, что это препятствие возникло от того, что твой брат имеет нечто против тебя. Твой брат огорчен на тебя.

К сожалению, как бы мы ни поступали, и сами мы, и мир вокруг нас живет со своими трудностями и проблемами. И все мы без исключения имеем людей, которым мы, одним словом, не нравимся. Но нам невозможно быть невидимыми, невозможно скрыться, так чтобы нас видели только те, которые хотят нас видеть. К сожалению, для тех, кто нас не любит, само по себе наше существование – проблема, для них просто видеть нас – уже нежелательно, трудно, тяжело.

Когда мы, христиане, по слову Божию, вызываем у других чувство ненависти, то в этом случае мы бываем виноваты, если не делаем, что можем, для того, чтобы упокоить наших врагов. Не пойдем раздражать нашего врага, не станем беспокоить его, чтобы не оказаться виновными. Не беспокой другого человека, если видишь, что он из-за этого сердится. Не тревожь его, если можно.

Во-вторых, мы виноваты в том случае, если не молимся за тех наших братьев, которые нас не любят. Не молимся за них с болью, с большим напряжением. Потому что наш долг – покрыть своей молитвой всех тех, кто питает к нам неприязнь, и, опять, насколько это в наших силах, сделать всё зависящее от нас для того, чтобы упокоить брата. Конечно, если это возможно. Если же это, к сожалению, невозможно, если мы не в силах его упокоить, тогда будем пребывать в молитве за брата, для которого наше существование представляет проблему. То есть, возможно – а так оно и бывает – будут люди, у которых окажутся проблемы с нами, что бы мы ни делали. Здесь от нас требуется рассмотреть свою совесть, сказать себе: «Почему у моего брата возникли проблемы?», увидеть, в чем наша вина.

У нас есть склонность оправдывать себя: «Я ничего ему не сделал». Но ведь это твое субъективное и относительное суждение! Человек Божий в такой ситуации говорит: «Пусть в данном конкретном случае я ничего не сделал, однако я сделал многое другое, в чем повинен. Ведь если бы я действительно был человеком Божиим, то имел бы силу упокоить и моего ближнего, и моего врага, и того, кто, лишь только меня увидит, тотчас чувствует отвращение». И знаете, что он еще говорит? Он говорит: «Мой брат прав, действительно, всё так и есть, он справедливо от меня отвращается, справедливо чувствует ко мне неприязнь, справедливо враждует против меня»... Но я не могу не существовать, Бог дал нам бытие, и мы не можем сами по себе погрузиться в небытие.

Итак, это свидетельство совести относительно нашего брата, этот факт любви есть неперемнное условие, чтобы мы могли помолиться. Иначе мы молиться не сможем. И это касается всех сторон нашей жизни. Скажем, в браке – как ты можешь помолиться, когда ты не упокоил не брата, не соседа, не гостя, а твой собственный дом, твою вторую половину – твою супругу или твоего супруга, твоих детей? Нам невозможно молиться, если мы создали в своем доме обстановку вражды, злобы, холодности – это невозможно.

Да, мы можем произносить слова молитвы, но наш дух не направляется в нее. И наоборот, когда человек смиряет себя и считает себя виновным в той или иной дурной ситуации, обращается с любовью к тому, кто находится с ним рядом, тогда благодать не замедлит прийти к нему. И мы видим в таких случаях, как наша молитва движется со всей силой, какая есть у нас. Всего лишь одно простое движение любви! То есть **мы можем сказать, что ключ, который в нашем распоряжении и который вводит нас в поток молитвы, – это любовь. Поэтому для молящегося человека необходимо подвизаться в любви, где бы он ни был, чтобы он мог пребывать в духе молитвы.**

Следующее, что приносит очень большой вред молитве и неразрывно связано с любовью, – это осуждение. Ведь когда мы любим, то, конечно же, не осуждаем никого. То, что мы осуждаем брата, означает, что мы его не любим. Когда мы осуждаем, то не можем молиться. От нас требуется большая внимательность в наших движениях, словах и делах, во всяком действии, связанном с нашим братом.

То же самое можно сказать и от противного. Если мы хотим помолиться, то должны научиться хорошо отзываться о всех людях. Великое дело для человека – научиться говорить о других людях только хорошее, всегда иметь хорошее слово обо всех. Иначе говоря, это – избыток сердца человека. Авва Исаак говорит: «Если к тебе кто-то придет, говори с ним по-доброму, хвали его, целуй его руки и ноги, упокоивай его как можно больше, хвали его сверх того, что у него есть, говори о нем только хорошее, отзывайся о нем даже лучше, чем он того заслуживает».

И это не лицемерие, не какое-то рабское поведение, но божественное благородство. Посмотрите: мы – наемники, потерявшие свое достоинство, негодные перед Богом люди. И, однако, Бог называет нас Своими детьми, Своими чадцами, Своими друзьями. Он отдает нам всю Свою любовь и делает это с великим благородством. **Большое дело – научиться говорить по-доброму с другими людьми. Пусть из наших уст, как избыток нашего сердца, исходит эта любовь. Любовь ко всем.**

Между тем, к сожалению, для людей, и даже для нас, тех, кто ходит в церковь, наиболее характерно то, что мы – несчастны. Как будто мы заплатить должны за то, что скажем доброе слово человеку! Как будто у нас что-то вырвут, если мы о ком-то отзовемся по-доброму! Скажешь ты одно доброе слово – и всё, больше уже ничего доброго не говоришь, весь сжимаешься, не можешь выдать из себя доброе! **Смотрите, почему так слабы супружеские связи? Потому, что один не скажет другому доброго слова. А это так просто! Мы беремся за духовную жизнь, мы – христиане, а у себя дома муж не скажет доброго слова жене, жена не скажет хорошего слова мужу – слова, которое бы дало крылья другому человеку, которое изливается из глубины любящего сердца!**

Тогда ты не только не можешь совершать молитву, но не можешь иметь и правильных отношений с людьми. В моей памяти целая вереница людей – я видел, с какой лаской они обращались с другими. Они обходились с ближним ласково, вплоть до самых мелочей, очень внимательно, чтобы ничем его не опечалить. Так, помню одного старца из Нового Скита, у которого было несколько виноградных лоз. Там в пустыни среди скал он выращивал кое-какие овощи, там у него росло несколько виноградных лоз.

Время от времени в Скит приходили рыбаки – миряне, они обрывали виноград старца и ели его, так что сам старец ел его редко. Один раз он пришел и застал их в тот момент, как они срезали гроздь. На Святой Горе и в пустыне те, кто разводят виноград, сколько есть у них винограда, столько и едят, они не покупают его и не хранят. Старец издали заметил происходящее и, не желая обидеть рыбаков, стал покашливать: «кхе-кхе-кхе» и напевать, чтобы те услышали и до его прихода успели что-то предпринять, чтобы им не чувствовать себя униженно из-за того, что он увидел, как они зашли в его виноградник и срезали гроздь.

Если бы там были мы, то мы начали бы кричать и считали бы великим делом, что поймали воров на месте преступления. В Отечнике мы читаем множество примеров того, как старцы видели приход вора, и, чтобы он мог беспрепятственно украсть, делали вид, будто спят. Хотя они видели, что вор крадет, они притворялись спящими, хотя, конечно, не спали – с такой деликатностью они себя вели, чтобы его не побеспокоить! Они не говорили: да он вор, надо пресечь воровство! Нет, они так

не говорили. **Они смотрели за собой: как они себя ведут. Крадет тот или не крадет – это его дело, им было важно то, как они себя ведут с этим человеком.**

Когда эта тактичность отцов-подвижников будет применена и в семье, когда муж научится разговаривать с женой с такой же деликатностью, то всё придет в порядок.

Вы помните из жития Лазаря Четверодневного, что после своего воскресения из мертвых он ни разу не засмеялся, он был опечален зрелищем ада, смертью. Даже, как говорит его житие, он всегда чувствовал во рту горечь, поскольку был огорчен зрелищем смерти. Только один раз он рассмеялся. Когда увидел, как кто-то совершает кражу: один украл кувшин у другого. И святой рассмеялся из-за суетности этого дела и сказал: «Глина ворует глину, глиняный человек крадет глиняный кувшин». То есть когда человек приобретает духовное благородство, тогда он не только не мстит другому за себя, но даже смотрит на происшедшее как на детскую шутку, смотрит на это с великодушием: он не прогоняет другого, но оставляет, словно бы тот ничего и не совершил, словно это была ничего не значащая детская ошибка.

Такое происходит, когда человек приобретает некую возвышенность духа. И когда он это приобретет, он поступает так не потому, что так велят ему поступать правила общества, но потому, что его занимает только одно – его отношения с Богом. Другие вещи его больше не интересуют, и он говорит: понимаешь, я не могу ограничить свою связь с Богом из-за того, что мне надо исправлять других людей, или исправлять неполадки в Церкви или государстве, или, к примеру, пойти и предать человека, потому что должно быть остановлено какое-то зло... Нет, что бы человек ни делал, Бог это видит, об этом знает, пусть Он делает, что хочет, но я не могу разорвать моего общения с Ним ради того, чтобы поступить как-то иначе, хотя бы и по человеческой справедливости. Потому что для неосужденного, со дерзновением предстояния нашего перед Богом в молитве мы жертвуем всем, любым нашим интересом, лишь бы сохранить свои правильные отношения с Богом.

Другое важное условие для молитвы, чтобы она была услышана, состоит в том, чтобы мы предстояли пред Богом со смиренным образом мыслей и сокрушенным сердцем. Это искусство – так человек привлекает к себе Бога. Знаете, есть некоторые люди (я это и сейчас вижу), которые нуждаются в милостыне, и которые столь воспитанны! Такой человек, даже если ты скажешь себе: «Ну нет, я ему ничего не дам!», ведет себя так деликатно, таким всепобеждающим образом, что сердце твое не может ему отказать, ты не можешь не дать денег, и даешь ему даже с каким-то удовольствием! И если он просит 10, ты ему дашь 20, потому что он очень деликатный проситель, и он знает, как разговаривать. Или еще есть люди, которые ведут себя так.

К примеру, сделал он что-то не то, и ты думаешь: «Ну все, сейчас пойду с ним разберусь, я ему покажу!». И мы готовимся: что бы ни случилось, мы с ним поругаемся, в любом случае я его отругаю. Готовимся: что мы ему скажем, как мы это скажем, – скажем то, другое... То есть мы решительно идем, чтобы поругаться. Но у этого человека такой характер – он так вежливо нас встречает, что

совершенно нас утишает, мы не можем с ним поругаться! Потому что он знает это искусство! Я знаю некоторых таких людей.

Вот, к примеру, есть такой человек, он... ну совсем плохо соображает. Всё время куча ошибок. И вот один раз он опять что-то такое сделал – совсем не то, что я ему сказал, и я рассердился. Ну, думаю, сейчас я его отругаю! Я был настроен решительно: никаких ходов назад! Сейчас пойду и устрою ему сцену, скандал: да что это такое! Но он меня совершенно обезоружил, потому что когда я пришел, он так стал со мной говорить, с такой вежливостью, что я забыл всё, что хотел ему сказать. Я не смог его отругать. И это большое дело в очах Божиих.

Нам следует обучиться этому искусству. Когда мы предстанем пред Богом в молитве, будем иметь этот смиренный, сокрушенный образ мыслей, так чтобы душа тотчас устремлялась к соединению с Богом, чтобы открывалось наше сердце. Это искусство молитвы, большое искусство, ключ, открывающий наше сердце для Бога. Будем говорить смиренно. **Каждый человек, предстоя пред Богом, должен знать о том, что приводит его сердце в сокрушение и открывает его для Бога. Для каждого человека это что-то свое, не всё у нас одинаково.**

Человек, который, видя свое падение, преклоняет колена, помышляет о Боге и поклоняется Ему, такой человек совершает эти поклоны как благодарное движение всего своего существа – и души и тела. Наша Церковь хранит это, она не рассматривает человека как одну душу, но видит в нем единство – тело с душой. Да, мы делаем поклоны, преклоняем колена – кто как может – душа наша болезнует вместе с телом. Одни из нас молятся сидя в кресле, другие – преклоняясь до земли. Нам нужно научиться молиться так смиренно, насколько можем.

Это сокрушенное сердце есть то, что привлекает к нам Бога. Никогда не будем оправдывать себя в молитве. Отцы во время молитвы чувствовали, что не существует человека худшего, чем они. «Я всех и всё превзошел грехом» – говорит один святой. «Всех превзошел грехом, – пишет он. – Нет человека, которого бы я не превзошел грехом». Когда мы встанем перед Богом на молитву и ощутим в себе такое расположение, скажем Ему то же, что и мытарь: «Будь милостив мне грешному». И почувствуем, что именно мы виновны перед Богом.

Бог – святой, Бог – всемогущий, Он создал всё, Он – Отец наш, богатый наш Отец. Он дал нам Свое богатство, а мы растратили его на грех. И, однако, есть нечто, к чему мы обращаемся. Это не наша добродетель, не наши добрые дела, не то, чем мы занимаемся (когда мы говорим: «я сделал то или другое») – всё это ничто, мерзость перед Богом. Что же подобает Ему? Только одно – «Отче, согреших на небо и пред Тобою». Видите, блудный сын не сказал никакого другого слова, но только: первое – «Отче мой», ты мой отец, а второе – «я согрешил на небо и перед Тобой».

Он не говорил: «Я ошибся, что мне делать?», как часто говорим мы. Нет, он говорил с внутренним сокрушением, представлял перед Отцом всю тяжесть своего греха, своей вины. Только с таким расположением и мы можем предстоять пред Богом. И с таким расположением идти к причастию – как человек, готовый на смерть, как осужденный, который идет и знает, что всё

потеряно, и существует только одно – его связь с Богом. Только это может нас спасти.

Мы стоим перед Богом и призываем Его: смотри, у меня нет ничего, что я мог бы Тебе дать. Ничего не могу Тебе представить: Аще беззакония назриши, кто постоит? (Пс. 129, 3) Если Ты будешь смотреть на мои грехи, то я не устою перед Тобой, потому что не имею абсолютно ничего. У меня есть только одно. Что это одно? Это Ты. Ты – мой Отец, Который дал мне свою Кровь и свое Честное Тело. И это то единственное, что я могу Тебе принести, чтобы Ты приклонился ко мне. Как говорили святые: Господи, ради Твоей святой Крови, Которую Ты излил на Кресте, ради этой Крови помилуй меня. Я действительно не имею ничего другого.

Братья мои, могу сказать, что человек, который прочувствовал событие Жертвы Христовой, Креста Христова, проник в тайну любви Христа к миру, такой человек понял, что значит: Бог спас нас Честным своим Крестом. Ничто иное нас не спасает. Ни дела наши, ни иное что-либо. Всё это для Бога мерзость. Всё это совершается, поскольку помогает нам, ибо мы имеем в том нужду, а не Бог.

И сейчас, перед тем как закончить, я сделаю одно необходимое замечание.

В молитве требуется также, чтобы человек никогда не принимал помысла перестать молиться. Если помысл говорит тебе: «Зачем ты молишься? И это после того, как ты только что нагрешил? После того как прогневался, наделал столько всего? Ты не сможешь молиться... Не молись!» Такой помысл не будем принимать никогда. Что бы мы ни сделали, какие бы грехи не совершили, какие бы злодеяния не сотворили, мы имеем право на молитву. Никто не может отнять у нас этого права.

Мы имеем право призвать Бога – Врача, нашего Отца, чтобы Он нас помиловал. Никто не может отнять у нас права взывать к Богу, чтобы Он спас нашу душу. Отцы говорят, что даже в момент совершения греха, даже в такой момент мы должны молиться. Мы можем сказать: «Боже мой! Посмотри, что я сейчас делаю. Я совершаю грех. В этот момент я творю грех – какой угодно, самый гнусный, самый мерзкий грех. Вот, пожалуйста, в этот момент я грешу. Призри на мя и помилуй мя! Подай милость Твою в то время, как я грешу».

Иначе говоря, мы не должны терять дерзновения к Богу. Мы должны призывать Его, даже если обременены грехом и погружены в него. Должны со смирением призывать Бога, умолять Его по причине нашего греха. Мы молимся Ему потому, что мы – грешники. И когда ум наш уносится туда и сюда и разливается во время молитвы на помыслы, когда мы идем молиться и внутри себя видим нечистые образы и хульные мысли, когда в нас происходит восстание и противодействие, когда мы не верим ничему, когда вместо молитвы богохульствуем, – бывает и такое, – и в такой час мы не должны терять дерзновения. Всё это – ничто!

Мы должны продолжать нашу молитву. Пребывать в ней. Бог, в конце концов, победит этот страх! Не будем паниковать, не будем скорбеть, пребудем в молитве. **Что бы ни случилось, чувствуем мы что-то или нет, собран наш ум или нет, есть ли в нас тысяча нечистот или нет – пребудем в молитве, не будем уходить от нее. В этом заключена сила того, кто хочет помолиться. Что бы ни случилось –**

будем терпеливы, терпеливы в молитве к Богу. Тогда Бог посетит нас самым делом и даст нам познать многоценный плод молитвы.

В этот период поста и молитвы будем приводить себя в порядок телесно и душевно и больше подвизаться в божественной добродетели молитвы, которая есть тот провод, что соединяет нас с Богом и благодатью Святого Духа.